

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59   **Будьте моей семьей : роман / Татьяна Алюшина.** — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106788-5

Артем — состоявшийся в жизни мужчина, сильный и мужественный, а семьи до сих пор нет. Он все чаще задумывается о сыне, но ни одна женщина не кажется ему подходящей на роль жены. Однажды Артем встречает Арину, красивую молодую маму, умную и независимую. К тому же та занимается интересным делом — шоколадным бизнесом, и сердце его тает. Он готов усыновить чужого ребенка и делает предложение, только есть одно важное «но», которое Арина никак не может принять...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106788-5

«Пропало лето», — с ленивой досадой думал Артем, поглядывая через лобовое стекло на плотно затянутое тучами небо. Как сказал недавно один работник его компании, «гнилое лето», пояснив, что его бабушка, жившая в деревне, так говорила, когда заряжали дожди на неделю, а то и больше.

Какая неделя! Уж потерпели бы как-нибудь неделю-то, а тут вон заливает Москву и всю среднюю полосу страны, почитай, месяц кряду, и холод стоит, и тучи на небе день за днем, депрессия какой-то сплошной, а не лето. Чуть солнышко появится, одарит радостью и хоть немного потеплеет, так народ толпами на улицы и в парки гулять валит да по дачам стремительно разъезжается в надежде хоть немного расслабиться, погреться, поймать-ухватить тепла редкого. Какой-то выверт природы, ей-богу!

Красногорский снова глянул на небо — не-а, не просветлеет, вон как плотно все затянуто! А обещали потепление, хоть и временное, солнце и несколько дней без дождей.

Ну, положим, потепление есть. А вот солнце нынче не радуется — так, выглянет ненадолго, посмотрит, что тут творится, и снова тучами укроется — не нравимся мы ему нынче.

«А как хотелось», — непроизвольно вздохнул Артем.

Он любил их уютный дом и большой участок, любил полениться на даче в полное свое удовольствие, когда выпадала такая возможность.

Приехать жарким денечком и сразу на речку — поплавать до приятной усталости во всем теле, нырнуть до самого дна, до опасного подводного ключа, бывшего на глубине, да так, чтобы холодом пробрало до потрохов, а после размашистыми, мощными гребками переплыть речку обратно к своему берегу, выбраться из воды на чуть подрагивающих от усталости ногах и рухнуть животом на горячий песок, подставляя тело палящему солнышку.

Позагорать, прожариваясь, переворачиваясь с живота на спину, разомлев от удовольствия, а когда совсем припечет невмоготу от жары, заплывать еще разок, теперь уж размеренно-спокойно. А потом и домой.

А там мама уж и стол накрыла на веранде, чтобы чаевничать, никуда не торопясь, продолжительно-лениво и тихо беседовать, отпуская окончательно из себя всю накопленную усталость, суету и напряженность рабочей недели.

И непременно поваляться после чая в гамаке, устроенном между сосен, условно с книжкой для чтения, по факту же для умиротворенной, ленивой дремы и приятной неги...

Он любил заниматься никогда не переводящимися домашними делами, требующими мужского пригляда и руки — внимательно следил за всеми агрегатами, которые обеспечивали комфортную жизнедеятельность дома, проводил профилактику, менял подлежащие замене части, мог в удовольствии что-то и попилить-приколотить. Обрезать

деревья и копать немногочисленные грядки тоже было его обязанностью, да какой только заботы не требует хозяйство, даже такое отлаженное и неприхотливое, как их дача, на которой они предпочитали все же отдыхать, а никак не огородничать. А ему нравилось — выспаться, утречком сбегать на речку, поплавать, вернуться, не спеша позавтракать и заняться хозяйскими хлопотами. Никуда не торопясь, с расстановкой и толком, в удовольствие, а к вечеру снова на речку. А потом сидеть долгими вечерами на веранде, провожая очередной раскаленный день.

Красота ведь какая, а?

Ну и куда нынче со всеми этими мечтами о раслабухе и ожиданиями знойного лета и любимого отдыха?

На Кипр разве что или в Сочи, например, чтоб им всем весело жилось.

А нету там такой вот красоты и радости дачной. Вот нет, и все!

Он накручивал себя глухим недовольством и мысленным ворчанием, подогреваемым к тому же чувством вины перед мамой за то, что не приезжал больше трех недель. Хотелось оправдаться и отбрехаться, мол, из-за работы, но уж чем-чем, а самообманом Артем Красногорский не страдал с подросткового возраста, да и не позволял себя эдакой ерунды, так что нет, не из-за работы не приезжал, прости матушка. А именно что из-за погоды этой непутевой и настроения какого-то тягучего и мрачного, когда ничего не хочется и не может, не появлялся он на даче пред любящие матушкины очи.

Она не обижалась, все понимала и прощала, конечно, но вздыхала расстроено, когда сынок сообщал очередной раз, что не приедет, и жаловался все на ту же погоду, на настроение непонятное и во-

обще.... А она снова вздыхала, жалела его и... ждала. Конечно, ждала каждые выходные, а как же. Он понимал все ее ожидания и от этого только больше накручивал себя чувством вины, от чего ворчал пуще прежнего, заодно в сердцах поминая недобрым словом еще и образовавшихся постояльцев.

А это так вообще уже за гранью его понимания — постояльцы!

В этом году матушку посетила странная прихоть — сдать часть дома жильцам на лето. И придумала же такое! Откуда что взяла! Вот взбрело же в голову!

— Подожди, Артемочка, — отстаивала она свою мысль, когда сын принялся ее вразумлять, — дом у нас большой, участок огромный, за всем я одна не угляжу, хоть Варя мне и помогает, да и Степан Сергеевич поддерживает. Но, в основном я тут сижу, как сова в дупле, одна-одинешенька. А так сдадим «молодежную половину» хорошим людям, и мне веселей — компания образуется, и людям в радость. Да и денег заработаем.

«Молодежной половиной» они называли три комнаты с примыкающими к ним небольшим кухонным уголком, санузлом и душем, имеющими свой отдельный вход, которые при перестройке и ремонте дома делали с расчетом на то, что там будут жить Артем с женой, как бы условно в своем обособленном крыле, хотя эта часть и была напрямую соединена с «Большим домом» проходной комнатой. Правду сказать, «молодежная половина» и на самом деле большую часть времени стояла закрытой и использовалась, только когда приезжали гости. Артему с мамой вполне хватало «Большого дома», весь второй этаж которого занимал он единолично, тоже с отдельным выходом через малую веранду на

задний двор, так что уединенности для него здесь было с избытком.

— Каких денег? — негодовал, заводясь, Красногорский. — Mam, ну ты о чем?

— Деньги лишними не бывают, — настаивала мама и объясняла: — Ну Артемушка, ну подумай сам, ведь сижу тут все лето одна, ты только в выходные появляешься, да и то не каждые, а мне живого человеческого общения не хватает, не в Москву же за ним мотаться. Да и не хочется мне в Москву.

— Да у тебя соседи постоянно тут толкуются, вон тот же Степан Сергеевич, — возразил Артем.

— Это все не то, — отмахивалась Лидия Архиповна. — Приходят, да только мы все дела огородные обсуждаем и поселковые сплетни-новости. А сосед, он хоть и человек интересный, но уж больно занудный и себя одного считает авторитетом по многим вопросам. С ним общаться можно весьма дозированно.

— Так пригласи подруг с детьми и внуками, — предложил Артем.

— Да не хочу я подруг, — отмахивалась Лидия Архиповна. — Ты не понимаешь, Артемушка, тут момент тонкий. Я, конечно, люблю своих подруг, но сам подумай: они все независимые, своенравные, привлекли устраивать жизнь по своему характеру и привычкам, а тут у меня будут вроде как под хозяйкой жить, по моим законам и правилам. Одно дело приехать на несколько дней, когда они гости дорогие, любимые, жданные-желанные — погостили и уехали, другое дело жить месяц-два-три, это уж общежитие какое-то получается. А у них у всех характеры ты сам знаешь какие — не рахат-лукум. Переругаемся, останемся недовольны друг другом, да еще и претензий наживем на годы вперед. Нет

уж, увольте, я уже не в том возрасте, чтобы терять друзей из-за житейских дрызг и трений характеров.

— А с постояльцами, значит, предполагается, что ты жить будешь душа в душу, — недовольно ворчал Красногорский, уже понимая всю очевидную бесполезность отговаривать ее и вразумлять.

— Надеюсь, — смеялась мама и успокаивающе гладила его по голове. — Я ведь не абы кого возьму, а по рекомендации людей, которым доверяю. И не просто так это придумала. Меня уже неоднократно друзья спрашивали, не сдам ли я закрытую часть дачи. Вот я и решила этим летом попробовать. К Мише обращусь, он людей проверит по своим картотекам или что там у них есть.

Михаил Захарович — старинный друг их семьи, вернее, близкий друг отца еще с их юных лет, ну а потом уж и его семьи, разумеется, в целом, долгие годы служил в МВД и дослужился до больших чинов, с которых и уволился в запас. Но наработанные связи остались.

Артем больше маму не отговаривал — если ей так хочется и вот прямо припекло, да на здоровье! Может, и на самом деле повеселей ей будет, да и не одна все же, какой-никакой, а пригляд. Есть у них, правда, помощница приходящая, Варвара Николаевна, местная жительница пятидесяти двух годов, но... Варя — она и есть Варя, не до куртуазных общений ей, не приспособлена вести умные беседы. И такая, как бы определить помягче, упертая. Все-то она сама знает, как и что надо устраивать в жизни, в хозяйстве, советов чужих не приемлет, наставлений не переносит. Такой типажик непробиваемый.

— Жизнь надо жить, — говорит она безапелляционным наставническим тоном, — а не разговоры

разговаривать о ней непонятно зачем. Вот как заведено правильно, так и надо жить.

А мамушке порой как раз-таки хочется и «разговоры поразговаривать» с интересным собеседником. Так что пусть, раз уж пришла в голову такая прихоть — сдать часть дома жильцам, пусть.

Может, и удачной идея окажется. Посмотрим.

Артем в выборы постояльцев не вмешивался, предоставив маме самой этим заниматься, только позвонил и лично спросил у Михаила Захаровича, когда мама определилась с выбором арендаторов, нормальные ли люди, и, получив подтверждение по всем статьям, с уверением, что Артем может совершенно не беспокоиться о мамушке, Красногорский тему дачных жильцов отодвинул куда-то на задворки памяти.

Мама рассказывала что-то про поселившихся жильцов, когда они с ней созванивались, мол, женщина, как и она, коренная москвичка, ее ровесница, с внуком, замечательная, интеллигентная, с которой они сразу же расположились друг к другу и буквально через пару дней сдружились, и что-то еще, еще — Артем не запоминал. Главное, маме хорошо, она счастлива и новую подругу заимела — и слава богу.

А тут собрался наконец ехать, и мало того что настроение кислое, так вспомнилось еще с раздражением и о чужих людях в доме. Даже прикинул на мгновение, а не втюхать ли любимой маменьке присутствие жильцов как одну из причин его длительного непосещения родительницы, но как подумал, так и отмел эту мимолетную мысль. Во-первых, она тут же поймет, что он тупо отбодряется, находя себе оправдание, а во-вторых, чего врать-то, не любил он это дело — помни потом, что сбредал,

держи в голове весь этот мусор. Да и зачем? Смысла никакого. Ну не приезжал, хандрил, ну вот едет же.

Кстати, за тягучими мыслями-размышлениями и бурчанием недовольным уже вон и доехал, и не заметил как. Чего уж теперь канючить — ладно, и с дождичком отдохнем, не прокиснем, может, даже и за грибами в лес сходит, и с жильцами как-то уживемся, поворчал он напоследок, останавливая машину у ворот на участок.

Обычно Артем открывал ворота с пульта, сразу же заезжая на дорожку к гаражу, но сегодня повременил, вспомнив, что мама предупреждала, будто кто-то там должен приехать в эти выходные к ее жилище в гости. Вот и решил, прежде чем парковаться, сначала посмотреть, может, кто на автомобиле прикатил и поставил свое транспортное средство за воротами.

С такой мыслью Красногорский и заглушил мотор, достал ключ из замка, распахнул дверцу и выбрался из комфортного охлажденного кондиционером нутра машины во влажное тепло улицы.

И сразу же резко по ушам ударил какой-то дикий, пронзительный кошачий вой, доносившийся откуда-то с их участка, словно кто-то уронил нечто тяжелое прямо на причинное место несчастному животному.

Кошачий вой не прекращался, а как бы даже набирал обороты, и Красногорский поспешил пройти в калитку.

— Какого хрена тут происходит?

На широкой дорожке, ведущей к гаражу, никакой машины не было, зато за одним из кустов бузины, которые окаймляли эту самую дорожку, прятался неизвестный ребенок. Приподнявшись на цыпочки и держась ручонками за ветки, он вытягивал

головку, старательно высматривая что-то важное в направлении дома, настолько сосредоточившись на своем занятии, что не замечал ничего вокруг.

Совсем маленький пацаненок. Артем не сильно-то и разбирался в детях и их возрасте, но поскольку у его близких друзей дети имелись, то их возраст Красногорский хоть как-то мог идентифицировать: десять, семь лет и два года.

Этому было явно меньше семи, но больше двух.

И тут Артем сообразил, что любое его обращение к мальчику, громкий звук шагов или резкое движение неизбежно напугают малыша. А если учесть, что тот внезапно увидит здорового незнакомого дядьку рядом....

Такая немного патовая ситуация.

Но, не умея предаваться затяжным сомнениям, предпочитая принимать быстрые решения и действовать, Красногорский с максимальной осторожностью прошел вперед, поддернув брючины, присел на корточки метрах в полутора от ребенка, чтобы и в самом деле не испугать парня, и достаточно громко, чтобы перекрыть дикий кошачий вой, но все же с осторожностью спросил:

— И что там происходит?

Мальчишка все-таки вздрогнул и резко повернулся на голос. Но что странно, не испугался, а как-то насупился, что ли, — строго сведя бровки, с подчеркнuto недоверчивым и настороженным выражением личика, вдруг спросил громким, звонким голосочком:

— Ты кто?

— Артем Борисович, — подчеркнuto ровным доброжелательным тоном представился Красногорский и добавил для большей ясности: — Сын Лидии Архиповны.

— А-а-а, — заметно расслабился мальчонка, перестав смотреть с неодобрительным подозрением на незнакомого дядьку, и вдруг сложил ладошки замочком и прижал ручки к груди, словно ожидал, что вот прямо сейчас его начнут за что-то отчитывать и ругать. — Я знаю: ты хозяин. — И спросил с сомнением: — Ты будешь сейчас со всем разбираться?

— С чем разбираться? — уточнил Артем, сдерживаясь, чтобы откровенно не разулыбаться — до того комичным выглядел малыш с этими его сложенными ручками и настороженным видом провинившегося в чем-то человечка.

— Не знаю, — принялся пояснять ребенок. — Бабушка Лида говорит, когда надо что-нибудь сделать: «Вот приедет хозяин — он и разберется». Я пока только узнал, что такое хозяин, мне бабушка Лида показывала портрет, там ты. — И, расцепив ладошки, ткнул пальчиком в сторону Артема, видимо, чтобы тот точно понимал, что речь идет именно о нем. — Ты ее сынок и хозяин. — Подумал и уточнил: — Она так сказала. А про «разбираться» я пока ничего не знаю.

— Понятно, — кивнул Артем и спросил: — Тебя как зовут?

— Матвей Ахтырский, — отрапортовал ребенок, старательно выговаривая свою фамилию по слогам, выделив с нажимом первый слог.

— И от кого ты тут прячешься, Матвей Ахтырский? — поинтересовался Артем.

— Не, не прячусь. — Мальчишка отрицательно покрутил головой, вздохнул с тяжелой безнадежностью и пояснил: — Я немного переживаю.

— Чего? — боролся с предательски расплзающейся улыбкой Красногорский.

— Пока мама остынет и можно уже будет идти, — как нечто очевидное пояснил пацан.

Мальчишка был чудесный. Обаятельный и невероятно забавный — густые пшеничные волосы топорщились упрямыми вихрами на затылке и у висков, на носу и щеках красовались крупные веснушки, а глаза были огромными, редкого темно-синего оттенка. И его круглое личико отображало все его стремительно меняющиеся эмоции, такие непосредственные, чистые, живые.

Было совершенно очевидно, что он еще тот школьник и явно что-то натворил, и теперь героически прячется в кустах, вернее, как он выразился, «переживает, пока мама остынет», и что-то подсказывало Красногорскому, что переживание это было напрямую связано с диким кошачьим воем.

— Та-а-ак, — протянул Артем, — а скажи мне, Матвей, почему кошка так завывает, ты знаешь? — и указал рукой в сторону дома, где так и не прекращался жуткий кошачий вой, режущий слух.

— Знаю, — кивнул мальчонка и объяснил: — Это Маруся кричит, — и добавил как нечто само собой разумеющееся, подкрепив высказывание энергичным жестом, разведя ручки в стороны: — Она так радуется.

— Какая-то мучительная радость у нее получается, — с сомнением заметил Артем, которому снова пришлось сдерживать улыбку, и продолжил: — А чему она *так* радуется, ты знаешь?

— Знаю, — снова кивнул Матвей.

— Может, расскажешь? — предложил Артем

Мальчонка тяжело вздохнул, печально нахмурился и приступил к повествованию:

— Бабушка Лида сказала нам с Вовой, что у Марульки сегодня день рождения. А на день рожде-